

Н. А. Кобяк,

отдел редких книг и рукописей

Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова

РУКОПИСЬ В ПОИСКАХ ВЛАДЕЛЬЦА

В докладе делается попытка на примере комплексного исследования истории одной из рукописей собрания библиотеки МГУ установить имя ее владельца, историю ее поступления в библиотеку. При анализе используются традиционные для любой библиотеки источники: инвентарные книги, книги описи фонда, старые картотеки, отчеты.

Ключевые слова: Россия, Московский университет, библиотека, комплектование, история частных книжных собраний.

В библиотечной науке, как в России, так и за рубежом, в последние годы особенно пристальное внимание уделяется реконструкции состава частных (или личных) книжных собраний. Ряд конференций последних лет были посвящены изучению истории библиотек как части истории информации, переосмыслению истории библиотек в целом, поиску путей воссоздания утраченных книжных собраний.

Наиболее перспективной в библиотечной науке сейчас признается методика генеалогических исследований, позволяющая установить взаимосвязи и уточнить роль библиотек в формировании фондов, а также методика виртуальной реконструкции личных книжных собраний. Самое очевидное соединение генеалогии и истории библиотеки возникает тогда, когда мы рассматриваем историю семейного собрания, переходящего от поколения к поколению и обогащающегося каждым из них.

Как известно, фонды библиотеки Московского университета после пожара 1812 г., когда почти все книги библиотеки погибли, складывались в основном за счет частных пожертвований, в том числе и личных книжных собраний. Часть этих библиотек хранилась согласно желанию их дарителей или завещателей в том виде, как они были сформированы при жизни их владельцев, например, библиотека Василия Михайловича Остроглазова — доктора медицины, библиотека Ивана Ивановича Янжула — экономиста-статистика, профессора Московского университета. Некоторые книжные собрания выделялись из основного фонда в виде самостоятельных комплексов начиная с 30-х гг. XX столетия, например, собрания Ивана Андреевича Гейма — профессора словесности, истории и географии Московского университета, семьи этнографов Харузиных, семьи Муравьевых, Тургеневых.

Многие книжные собрания оказались разбросанными в том числе и по факультетским и кафедральным библиотекам, например, книжные собрания славистов Михаила Несторовича Сперанского, Вячеслава Федоровича Ржиги, русского мореплавателя Василия Михайловича Голо-

вина. Они не собраны до сих пор или собраны не полностью. В 2007 г. в связи с переездом Фундаментальной библиотеки МГУ в новое здание, нами были просмотрены фонды и выделена значительная часть библиотеки Радзивилов, возникшая при кардинале Юрии Радзивиле (умер в 1600 г.). В 1772 г. в ней числилось около 20 тысяч рукописей и печатных книг. Часть библиотеки была передана Академии наук, Московскому университету и Санкт-Петербургской духовной академии, часть — продана в Париже.

Особенным образом обстояло дело, если в составе личной библиотеки были рукописи или рукописные книги. Все эти рукописи при поступлении в фундаментальную библиотеку выделялись в особый фонд и получали шифр по системе библиотеки Московского университета. Таким образом эти книги из личных собраний терялись среди им подобных и лишались части своей истории.

Что мы можем сделать сейчас для воссоздания истории происхождения рукописных книг? Какие индивидуальные особенности самой рукописной книги могут нам помочь?

Первым и наиболее явным признаком принадлежности книги тому или иному собранию является наличие книжных знаков: экслибрисов, супер-эклибрисов, печатей, наклеек, ярлыков.

Так, по этим признакам мы можем выделить из основной массы рукописи и книги, поступившие из собрания известного библиографа XIX в., сенатора Михаила Петровича Полуденского (1829–1868), семьи Муравьевых, видного библиофила, юриста Николая Николаевича Бирукова¹.

Не менее важны записи и пометы: владельческие, дарственные, читательские, бытовые, купчие, хроникальные, автографы. Например, на основании этих примет в фонде Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ можно выделить книжные комплексы из библиотеки Общества истории и древностей российских с автографами П. В. Хавского и П. М. Строева, В. М. Ундольского, богатейшей родовой библиотеки Стrogановых и другие.

Здесь мною предпринята попытка выяснить источник и время поступления одного из списков рукописного романа XVIII столетия “Азиатская Баниза” в библиотеку Московского университета и изложить весь путь поиска этих сведений.

¹ Составление библиотеки Н. Н. Бирукова началось в 1896 году на основе собрания, доставшегося в наследство от отца, и продолжалось вплоть до Первой мировой войны за счет экземпляров, приобретенных в Москве, Петербурге и Риге на распродажах известных библиотек и в залежах мелких букинистов. Судьба библиотеки Н. Н. Бирукова после революции не вполне изучена. По словам исследователей этого собрания, старопечатные славянские и иностранные книги из библиотеки встречались у букинистов в 1940-е годы. Принадлежность к библиотеке Н. Н. Бирукова определяется по большому количеству книжных знаков на крышках переплета. Самый замечательный из них — экслибрис Н. Н. Бирукова с изображением фруктового дерева, лампы и книг и с надписью “Ex-libris lux. Из книг Николая Николаевича Бирукова. 1899” На корешке книги, изображенной в нижней части экслибриса, располагается фамильный герб Бируковых. Экслибрис, помещенный на обложке верхней крышки переплета, сопровождается двумя штампами: красный прямоугольный с надписью “Каталог библиотеки Н. Н. Бирукова отд. N” и овальный черный с надписью “Bibl. De N. N. Biroukoff”.

“Азиатская Баниза” роман молодого немецкого писателя Генриха Ансельма фон Циглер-Клипгаузена (1663–1696)¹ впервые был издан в 1689 году в Лейпциге. Этот позднебарочный многофигурный роман увлек читателя в экзотический мир Ост-Индии середины XVI века. Повествовал о любви прекраснейшей принцессы Банизы из государства Пегу и благородного принца Балацина из королевства Ава², которые, преодолев множество злоключений, победив в кровавой войне жестокого узурпатора Хаумигрема³, соединились наконец к удовольствию читателей.

Сплав доступных автору исторических сведений⁴ с безудержной фантазией, захватывающий сюжет и happy end, в котором сразу три пары принцев и принцесс празднуют свадьбу, обусловили популярность романа, который уже после смерти автора переиздавался в Германии только в XVIII столетии восемь раз⁵. А в 1724 г. вышло в свет продолжение романа, написанное Иоганном Георгом Гамманом и скромно озаглавленное “Продолжение Азиатской Банизы, вторая часть”.

О том, что “Азиатская Баниза” была явно не рядовым явлением в литературной и культурной жизни Германских княжеств, свидетельствует и то, что скоро после его выхода в свет появились одноименные оперы, написанные по мотивам произведения Г. М. Гофманом и И. Ф. Кефером⁶. Интерес к роману не ослабевал и в следующих поколениях читателей: совсем еще молодой Фридрих Мельхиор Гримм, будущий корреспондент Екатерины II, пишет трагедию “Баниза”, которая была включена в 4-й том “Die deutsche Schaubühne”⁷.

¹ Zigler und Klipphausen, Heinrich Anshelm von. Die Asiatische Banise, oder Das blutig-, doch muthige Pegu... Leipzig: J. F. Gleditsch, 1689. 910 p. 17 cm. Первое издание романа представляет собой чрезвычайно редкость, в библиотеках России отсутствует, издания XVIII в. есть в Библиотеке Академии наук и Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, одно сравнительно позднее издание находится в Российской Государственной библиотеке.

² Оба государства находились на территории современной Мьянмы (Бирмы), где города Ава (недалеко от Мандалая) и Пегу (рядом с Рангуном) существуют и в настоящее время.

³ Это одно из нескольких встречающихся в романе имен реальных исторических персонажей. Хаумигрем (правильнее, Шаумигрен) — историческое лицо, бирманский король, более известный под именем Байиннаунг (1551–1581).

⁴ Едва ли не основным источником для Циглера была книга португальца Фернана Мендеса Пинто, который в середине XVI столетия сначала как конкистадор (а иногда пират), а затем как иезуит путешествовал по странам Юго-Восточной Азии и окружающим их морям, а в конце жизни описал свои приключения. Книга Пинто уже в XVII веке была переведена на разные языки. Сказать точно, каким именно изданием и на каком языке пользовался Циглер, представляется затруднительным. Не исключено, что его источником было издание на немецком языке Die wunderliche Reisen Ferdinandi Mendes Pinto... Amsterdam, 1671. В ряде случаев Циглер сам дает ссылку на источники экзотических сведений, помещаемых им в роман.

⁵ Leipzig: Th. Fritsch, 1700, 1707, Leipzig: [s. n.], 1707, Leipzig: Th. Fritsch, 1716, 1721, Leipzig: C. G. Eckart, 1728, 1733, 1738; Königsberg; Leipzig: J. H. Hartungs Erben; J. D. Zeise, 1764, etc. В каталоге университетской библиотеки немецкого города Галле значится издание, в котором каждая из трех книг (частей романа) получила свое название: Balacin oder Die Erste Abteilung der Asiatischen Banise..., Chaumigrem oder Die Andere Abteilung der Asiatischen Banise..., Banise oder Die Dritte Abteilung Dieser Asiatischen Prinzessin... [S. l.], [ca. 1712] см.: (www.haweb1.bibliothek.uni-halle.de).

⁶ Georg Melchior Hoffmann (1684–1715), Johann Philipp Käfer (1672–1730).

⁷ Grimm F. M. Banise: Ein Trauerspiel. 1743 // Die deutsche Schaubühne / J. C. Gottsched. Leipzig, 1748. Bd. 4. S. 391–462).

Слава романа довольно скоро вышла за пределы германских государств: в XVIII столетии были изданы переводы романа на голландский¹, шведский², французский языки. В Швеции было издано и продолжение романа, его “вторая часть” — роман И. Г. Гаманна³.

В середине XVIII столетия, вероятно, не позднее 1740-х гг., роман Циглера “Азиатская Баниза”, а вместе с ним и “продолжение” — роман Гаманна был переведен на русский язык⁴. До недавнего времени русский перевод романа был мало известен даже специалистам, хотя неоднократно, часто без указания имени автора, упоминается в многочисленных работах по истории русской и русской переводной литературы.

Самые ранние сохранившиеся рукописные копии перевода, хранящиеся в Научной библиотеке МГУ и Государственном музее-усадьбе “Архангельское”⁶ датируются на основании показаний водяных знаков бумаги середины века⁷. Архангельский список происходит из библиотеки Юсуповых, а источник поступления списков “Азиатской Банизы” собрания МГУ до последнего времени был неизвестен.

Для выяснения этих сведений вначале я обратилась к книге описи рукописного фонда. Запись, относящаяся к спискам “Азиатской Банизы” была сделана 26 июля 1947 г., инвентарный номер рукописей и источник поступлений здесь не были указаны.

Вслед за этим я взяла старую книгу описи рукописного фонда библиотеки Московского университета XIX столетия. Записи в ней датированы

¹ *Zigler und Klipphausen, H. A. v. De Asiatische Banise, of het bloedige en moedige Pegu...* Amsterdam, H. Uywerf, 1731.

² *Zigler und Klipphausen, H. A. von. Asiatiska Banise, eller Blodiga, dock modiga Pegu...* Stockholm, 1741.

³ [*Hamann J. G.*] *Den asiatiska Banise, eller Blodiga, dock modiga Pegu, andra delen...* Stockholm, 1747.

⁴ Подробнее об этом см.: *Лифшиц А. Л.* Азиатская Баниза: российская судьба немецкого романа // Век Просвещения. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 368-378.

⁵ Три кодекса НБ МГУ (см.: Перетц В. Н. Рукописи библиотеки Московского Университета, самарских библиотеки и музея и минских собраний. Л., 1934. С. 14. № 58). содержит вторую книгу романа Циглера и первую и третью книги романа Гаманна и составляют единый комплекс, создававшийся одновременно. Рукописи, вероятно, ошибочно, имеют различные шифры: 1Ru 532 и 5Ri 532. В настоящее время в печати находится статья Н. А. Кобяк, посвященная этим рукописным книгам (Кобяк Н. А. Роман “Азиатская Баниза” из библиотеки Михаила Попова // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ), в которой дается чуть более поздняя их датировка по сравнению с предложенной нами: *Лифшиц А. Л.* Указ. соч. С. 372, прим. 19.

⁶ ГМУ “Архангельское”, Инв. № 8502. Рукопись большого формата на 294 листах, написана несколькими скорописными почерками и представляет собой единственный сохранившийся полный список перевода романа Циглера на русский язык.

⁷ Насколько точно можно считать датировку русских рукописей XVIII в. на основании исследования филиграней, видно из того, что в принадлежавшем автору-составителю корректурном экземпляре справочника С. А. Клепикова (Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959), хранящемся в настоящее время в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге, рядом со значительным числом водяных знаков вписана датировка часто на несколько лет более ранняя, чем напечатанная. Впрочем, целиком полагаться на палеографические особенности скорописных почерков также не представляется возможным.

лишь с 1920 г., и доведены до 1933 г. Но, судя по тому, что рукописи в ней записаны в определенной системе, *она не была первой описью фонда*. А исходя из особенностей бумаги, характера почерка, цвета чернил, я предположила, что она могла быть начата в последней четверти XIX века.

Уточнить дату начала записей позволила полистная скрепа Секретаря Правления Московского университета, повторенная на протяжении книги шесть раз: “Секретарь Правления Московского Университета Иванов”, а также запись на последнем листе о количестве пронумерованных листов, скрепленная подписью ректора университета Н. П. Боголепова, секретаря Правления Иванова и красной сургучной печатью “Императорского Московского Университета”.

Ординарный профессор по кафедре римского права Н. П. Боголепов избирался ректором Московского университета дважды — в 1883–1887 гг. и в 1891–1893 гг. О секретаре Правления Московского университета Иванове удалось найти лишь разрозненные сведения: до 1880 г. он занимал должность бухгалтера 1 Московской гимназии, затем был перемещен на должность секретаря Совета¹, а в 1884 г. — на должность Секретаря Правления², затем в 1885 г. перемещен на должность секретаря по студенческим делам³, и больше должность Секретаря Правления в период ректорства Боголепова не занимал. Таким образом, можно сделать вывод о том, что старая Книга описи была начата именно в 1884 г.

Если мы обратим внимание на место записи списка “Азиатской Банизы” в ряду других записей этой описи, то увидим, что она сделана почерком первого писца книги⁴, и в числе первых записей русских рукописей⁵. Таким образом, нижняя граница поступления рукописи в библиотеку отодвигается если не к дате основания библиотеки Московского университета — 1755 г., что маловероятно из-за датировки самого списка “Банизы”, то ко времени восстановления книжных фондов после их гибели в 1812 г. Сузить этот значительный временной промежуток удалось благодаря сведениям “Каталога книг библиотеки Императорского Московского университета”, составленного Ф. Ф. Рейсом⁶, в который вошли все рукописи библиотеки по состоянию на 1831 год. “Азиатской Банизы” среди них не оказалось.

¹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1880 год. М., 1881. С. 42.

² Отчет о состоянии и действиях ... за 1884 год. М., 1886. С. 18.

³ Отчет о состоянии и действиях ... за 1885 год. М., 1887. С. 18.

⁴ Первым почерком сделаны записи на л. 1-42 (до №148).

⁵ В старой книге описи вначале рукописи записаны по разделам: 1). рукописи греческие пергаменные (л. 1–8), 2). рукописи на латинском языке пергаменные (л. 10–11), 3). славяно-русские рукописи пергаменные (л. 10–11), 4). русские рукописи XVIII–XIX вв. (л. 13–13 об.), 5). западноевропейские рукописи XVIII–XIX вв. (л. 16–21 об.), 6). русские рукописи написанные церковнославянским шрифтом (л. 24–67 об.). В конце каждого раздела оставлены чистые листы для возможного продолжения записей. Из древнейших славянских рукописей третьего раздела упомянуты только четыре — 2Bг 45, 2Bг 42, 2С№ 34, 2Bс 50 — из них первые три поступили в библиотеку Московского университета в 1843–1844 гг. Среди русских рукописей шестого раздела “Баниза” записана второй, до нее не зачислится рукопись Арифметики (4См 44), время поступления которой в библиотеку неизвестно.

⁶ Каталог книг библиотеки Императорского Московского университета составленный Ф. Ф. Рейсом. М., 1831. Т. 1.

Так удалось определить временной промежуток поступления рукописи “Банисы” в библиотеку — после 1831 г. и до 1884 г.

Следующим шагом стало обращение к сведениям, предоставленным самим рукописным списком “Азиатской Банисы”. На форзадных листах во всех трех томах рукописи МГУ мы находим помету, сделанную карандашом — “Попова”¹.

Возникает вполне закономерный вопрос. Кому принадлежит эта запись? Сделал ли ее бывший владелец рукописи, или она принадлежит сотруднику библиотеки, отметившему таким образом источник поступления книги в библиотеку? И каким был источник этого поступления: частное книжное собрание или магазин книгопродавца?

Последнее предположение показалось мне наиболее вероятным тем более, что, просматривая сплошь книги Фундаментальной библиотеки в связи с ее переездом в новое здание, мы часто встречали на форзацах или титульных листах книг карандашные пометы с именами известных книгопродавцев XIX столетия².

Рассмотрим обе версии о поступлении рукописей в библиотеку МГУ.

Версия 1. Магазин книгопродавца

Фамилия Поповых была не редкой среди книгопродавцев XIX столетия. Были известны петербургские книгопродавцы — Михаил Иванович Попов, имевший в 80-х гг. магазин книг на Малой Садовой и типографию в Поварском переулке, Василий Васильевич Попов, в те же годы торговавший книгами в бывшем магазине Якова Алексеевича Исакова.

Из московских книгопродавцев Поповых одним из наиболее известных был Иван Васильевич Попов [ум. 1839 г.]. Он был московским купцом, учился в Московском университете. По воспоминаниям современников, был “величайшим оригиналом”: “званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питейных откупщиков <... > и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых”³. В начале XIX столетия Попов, вместе с Е. Люби и Ф. Гари, содержал книжную лавку и был арендатором Университетской типографии. По его предложению и на его средства с 1802 г. издавался “Вестник Европы” *Н. М. Карамзина*.

Все названные здесь книгопродавцы работали в интересующий нас временной промежуток: после 1831 г. и до 1884 г., и могли быть источни-

¹ Эти же сведения о владельце рукописи или источнике ее поступления в библиотеку дает и старый папочный Рейсовский каталог: на карточке с кратким описанием книги есть помета: “Попова. Рукоп.”.

² Например, “от Ланга”. Книгопродавец А. Ланг упоминается в указателе имен издания: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты.* — М.; Л.: Academia, 1935. — С. 897. В воспоминаниях В. Ф. Саводника о Брюсове упоминается сын московского книгопродавца Ланга: “Вообще среди деятелей литературы и печати у Бр [юсова] в это время не было ещё связей. Круг его литературных связей ограничивался в этот первый год нашего знакомства, кажется, только узким кругом лиц, выступивших с ним вместе в “Русских символистах”. Из них я хорошо помню сына московского книгопродавца Ланга, имевшего большой магазин на Кузнецком.”. См.: Поэт и ученый // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 103, 105, 108.

³ *Полевой К. А.* Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. СПб., 1860. Ч. 1. С. 106.

ком поступления рукописей “Азиатской Банизы” в библиотеку университета. Но как показывают сведения, почерпнутые из “Отчетов о состоянии и действиях Императорского Московского университета, — а это один из главных источников по истории формирования книжных фондов библиотеки, — фамилия Попов среди книгопродавцев и комиссионеров библиотеки за указанный период не значится.

Версия 2. Частное книжное собрание

Путем сплошного просмотра старой части рукописного фонда Отдела редких книг и рукописей нами были выявлены и другие рукописные книги с пометами “Попова”, “отъ Попова”¹.

Все эти рукописи записаны в старой книге описи первым писцом, что свидетельствует о их одновременной с “Азиатской Банизой” записи.

Еще одна рукопись — 6Дс 53 Крылов Н. И. “Лекции по истории римского права”, XIX в. — с аналогичной пометой “отъ Попова” записана позднее в числе рукописей, поступивших из библиотеки Историко-филологического факультета. Но поскольку все карандашные пометы сделаны одним почерком, мы можем говорить о одновременном поступлении рукописей Попова в библиотеку.

Эта последняя рукопись Лекций Н. И. Крылова позволяет точно установить имя ее владельца, так как помимо карандашной пометы с фамилией “Попов”, имеет на титульном листе подпись самого владельца тетради лекций — “М. Попов”. Одновременно было установлено, что карандашная помета с фамилией Попов и чернильная подпись М. Попова сделаны разными почерками. Это означает, что первая не является владельческой надписью, а скорее всего сделана библиотекарем при поступлении рукописи в библиотеку².

Таким образом, владельца тетради нужно было искать среди слушателей лекций по римскому праву ординарного профессора Московского университета Никиты Ивановича Крылова (1807–1879).

Никита Иванович Крылов (1807–1879) — известный юрист, преподаватель. Кафедру римского права он возглавлял с 1835 по 1872 г. Следовательно, слушателя лекции Н. И. Крылова М. Попова нужно было искать именно в эти годы. За это время в Московском университете был только один М. Попов — Михаил Попов — “своекоштный”, то есть обучавшийся за свой счет, студент Юридического факультета с 1850/51 по 1853/54 учебные годы. Он поступил в возрасте 17 лет, происходил из дворян, до поступления “обучался в доме родителей”³. По окончании курса в 1854–1855 гг.

¹ 1. 5Мп 73. Житие и чудеса Кирилла Белозерского, нач. XIX в. (№79 — здесь и далее номер дается по старой книге описи). 2. 2Фа 51. Краткое толкование на чин святой литургии, XVIII в. (№92). 3. 5Nv 88. Дневник Николая Лашкевича 1844–1846 гг. (№98). 4. 6Ва 4а. Сводное уложение. Сост. Пеликов И. И., XVIII в. (№144). 5. 2Фа 53. Чин исповедания, кон. XVIII в. (№147).

² Аналогичные карандашные пометы мы находим на многих книгах юридической тематики Фундаментальной библиотеки МГУ.

³ См.: Именная ведомость об учащих в Императорском Московском Университете к 1-му января 1852 года // Отчет о состоянии и действиях ... за 1850–1851 г.: Именная ведомость

студент Михаил Попов “за отличные успехи и поведение” был удостоен степени кандидата наук¹.

Благодаря полученным сведениям временной промежуток поступления рукописи “Банизы” в библиотеку еще более сузился — можно было утверждать, что она поступила после 1855 и до 1884 года.

Далее, просмотрев “Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета” с 1855 г., удалось найти сообщение о времени поступления в библиотеку книжного собрания Михаила Попова: “В течение 1863 года, в Университетскую библиотеку поступили следующие приобретения: 1. Библиотека покойного Кандидата Московского Университета Попова, переданная в Университет по завещанию покойного, отцем его, состоящая из 820 сочинений в 1152 томах... и 33 рукописей в 31 томах, всего 853 сочинений в 1186 томах...”² Часть книг этого собрания была разобрана и внесена в каталоги в том же 1863 г.³, а часть в следующем 1864 г.⁴

К сожалению, все попытки найти еще какие-нибудь сведения о Михаиле Попове, установить точную дату его смерти не увенчались успехом. Все, что про него известно в настоящее время: родился в 1833 или 1834 г. в дворянской семье, учился в Московском университете с 1850/1851 по 1853/1854 гг., умер до 1863 г., завещав книжное собрание своей “alma mater”⁵.

об учащихся в Императорском Московском Университете к 1-му января 1853 года // Отчет о состоянии и действиях ... за 1851-1852; Именная ведомость об учащихся в Императорском Московском Университете к 1-му января 1854 года // Отчет о состоянии и действиях ... за 1852-1853; Именная ведомость об учащихся в Императорском Московском Университете к 1-му января 1855 года // Отчет о состоянии и действиях ... за 1853-1854.

¹ Отчет о состоянии и действиях ... за 1854–1855 гг. Б/м, б/г. С. 35.

² Отчет о состоянии и действиях... за 1862–1863 гг. Б/м, б/г. С. 28.

³ Отчет о состоянии и действиях... за 1862–1863 гг. Б/м, б/г. С. 29.

⁴ Отчет о состоянии и действиях... за 1863–1864 гг. М., С. 30.

⁵ Исходя из времени издания ряда книг этого собрания, А. Л. Лифшиц предположил, что их старейшая часть — издания XVIII в. — могли принадлежать отцу М. Попова, который передал свое книжное собрание вместе с книгами сына.

Н. А. Кобяк,

відділ рідкісних книжок та рукописів
Наукової бібліотеки МДУ імені М. В. Ломоносова

РУКОПИС У ПОШУКАХ ВЛАСНИКА

Резюме

У доповіді робиться спроба на прикладі комплексного дослідження історії одного з рукописів зібрання бібліотеки МДУ встановити ім'я його власника, історію його надходження у бібліотеку. При аналізі використовуються традиційні для будь-якої бібліотеки джерела: інвентарні книги, книги описи фонду, старі карточки, звіти.

Ключові слова: Росія, Московський університет, бібліотека, комплектування, історія приватних книжкових зібрань.

N. A. Kobyak,

Scientific Library of the Moscow M. V. Lomonosov University

A MANUSCRIPT IN THE SEARCH OF ITS OWNER

Summary

The article contains a complex research of the history of the acquisition of one of the manuscripts from the collection of the Library of Moscow state University aimed to ascertain its owner's name. Traditional library sources are investigated such as accession books, bookstock descriptions, card repertories of the XIXth century, reports.

Key words: Russia, Moscow University, library, book acquisition, the history of private book collections.